

Речь, произнес на годичном акте рижской
Александровской гимназии 13-го июня 1878 г.
преп. Г. А. Янчевецким

Published: Jan. 1, 1878

Представители александрийской поэзии Каллимах и Аполлоний Родосский

Янчевецкий Григорий Андреевич

Русский филолог-классик, педагог, директор Александровской и Николаевской гимназий
в Ревеле.

Abstract

В конце IV и начале III века до Р. Хр. состояние греческой образованности было следующее. В Афинах существовала, так называемая, новая комедия, как простые образцы нравов и характеров из частной, домашней жизни. На греческих островах, куда бежали от внутренних смут афинские ученые, продолжала существовать элегия*, во всей же Греции место недостающего гения и высшего вдохновения заняло усидчивое прилежание, изучение образцов литературы прежнего времени и подражание этим образцам. Повсюду возникали школы, где усердно изучались Гомер, Гезиод, философы, ораторы; и учителями этих школ, грамматиками и софистами, все научные занятия, не имевшая уже применения к жизни и к государственному строю, перенесены в кабинеты.

Keywords: александрийская поэзия, Каллимах, Аполлоний Родосский

Общий характер Александрийской поэзии.

В конце IV и начале III века до Р. Хр. состояние греческой образованности было следующее. В Афинах существовала, так называемая, новая комедия, как простые образцы нравов и характеров из частной, домашней жизни. На греческих островах, куда бежали от внутренних смут афинские ученые, продолжала существовать элегия*, во всей же Греции место недостающего гения и высшего вдохновения заняло усидчивое прилежание, изучение образцов литературы прежнего времени и подражание этим образцам. Повсюду возникали школы, где усердно изучались Гомер, Гезиод, философы, ораторы; и учителями этих школ, грамматиками и софистами, все научные занятия, не имевшая уже применения к жизни и к государственному строю, перенесены в кабинеты. Таким образом, философия обратилась к диалектическим тонкостям; история стала признавать своею последнею целью не прагматизм и даже не пользу читателя, а занимательность предмета и ораторское украшение. Тоже нужно сказать и о прочих существовавших тогда науках, которые, подобно философии и истории, направлены были к остроумию и удовлетворению любопытства. Александрия должна была усвоить и продолжать существующее направление. Но, кроме этого, александрийские поэты имеют еще другой, им только свойственный характер. Александрия, цветущий город Египта и всего побережья Средиземного моря, составляла как бы всеобщий Форум тогдашнего мира. Естественно, что в этом городе должны были явиться наиболее благоприятные условия для соединения наук и литератур всех приходивших в соприкосновение с александрийцами народов, а отсюда следовал более изысканный образ жизни, общее стремление к изяществу не только в жизни, но и в литературе, сообщавшее александрийским поэтам особенный характер. Александрийские поэты имеют свою приятность, свое изящество и некоторую увлекающую простоту, но нельзя не заметить, что эти качества отделённые, изысканны, общая с изяществом всего строя жизни этой эпохи. Их чистая, правильная и изящная речь всегда будет возбуждать удивление и похвалу, но при первом же знакомстве с александрийскими поэтами становится очевидным, что в их произведениях нет ничего возвышенного, величественного, нет

смелого и высокого полета Фантазии. Они нелегко охватываются божественным порывом и восторженностью, и с трудом отдаются высоким мыслям и глубоким наблюдениям, И хотя они почти совершенно чужды недостатков и ошибок, но все же не возбуждают нашего внимания ни возвышенностью содержания или высокими мыслями, ни блестящими образами, и ко всем им одинаково относится отзыв, высказанный Лонгином об Эратосфене: „при некоторой ровной посредственности, во всем безупречен и чужд всякого уклонения¹⁰ (Longin. Sect.33 ap. Neun. 81). Потому нет у них и принятой у классических писателей меры в речи (numerus), которая присуща сочинениям, проникнутым вдохновением.

И если некоторые из александрийских писателей и долу- чили известность и память у потомства, то это те по»ты, которые обрабатывали род поэзии, неизвестный древним, это идиллики: Феокрит, Бион и Мосх. Каллимах заслуживает внимания в истории литературы далеко не своими гимнами, за которые он славился и считался придворным поэтом, но за элегии, потому что у него, как это оказывается при внимательном чтении его произведений, при всей громадной учености и величайшей технике, заметных в каждом стихе, недоставало самого главного, таланта. Главнейший поэт Александрийской эпохи, Аполлоний Родосский, писатель с глубокой ученостью, изяществом и изысканностью в речи, владевший особенной изобретательностью и умением располагать части и доводы эпических стихотворений, не смотря на громадный свой труд, пользуется далеко не великой славой.

Особенно замечательную характеристическую черту александрийских поэтов составляет их забота о деталях, о технической обработке; поэтому образ выражения у них большею частью важный, строю риторический и гораздо реже простой и безыскусственный. Музыкальность речи, искусство в расположении доводов и частей стихотворения, искусственность Фраз, нарочная темнота (ЛикоФрон) у них стоят на первом плане. В искусстве построения стиха, особенно гекзаметра, в просодических тонкостях и в размещении слов они оказывали великую, чрезвычайно кропотливую заботу и следовали известным своим наклонностям (напр., к и. spondaicus) и так как не установились еще правила и Формы поэтических стихотворений, и каждому предоставлялось выбирать любую Форму, или же изобретать новую, то наклонность к внешним Формам вела к тому, что некоторые старались возбудить

удивление или игривой надписью, или небывалым видом стихотворения (форма крыльев, топора, треугольника, особенно у Симиаса Родосского; есть и у Феокрита).

Не менее замечательным свойством писателей этого века является то, что у всех их на первом плане стоит страсть к изучению многих разных наук, особенно древней мифологии и древней истории, и к щегольству этой ученостью. Начитанность у них выше дарования; и у наиболее выдающихся поэтов, Каллимаха и Аполлония Родосского, это более всего заметно. Таким образом, содержание их трудов заимствовано или из древней мифологии, или из наук: астрономии, географии, физики, что происходило оттого, что от всякого образованного человека этого времени требовалась ученость, а потому представители тогдашней образованности, александрийские поэты, более всего и отличались разнообразной и богатой ученостью. Из всех александрийских поэтов едва ли найдется один, который бы не был вместе и грамматиком, философом, математиком и историком. Каллимах, напр., был вместе поэт, философ, грамматик, историк; Аполлоний Родосский тоже изящный поэт, тонкий грамматик, остроумный ритор и обширный историк. Арат был вместе поэтом, философом и астрономом. Всякий поэт должен был быть вместе и грамматиком.

Наравне с обильной и блуждающей ученостью оказывала большой вред александрийской поэзии спокойная и отрешенная от всякого участия в делах общественных жизнь александрийских ученых в Музее. Музей, единственное ученое учреждение во всем тогдашнем мире, составлял часть дворца Птолемея и доставлял жившим в нем ученым помещение и средства. Этих ученых всегда было определенное число, и здесь они, составляя свои, так сказать, Факультеты, при разных литературных стремлениях, собирались к общему столу (ἡ Μοοκστὴ αἴθρῃ) и делали общие заседания. Здесь же устраивались состязания между поэтами и риториками, здесь же раздавались и назначались награды за ученые работы. Тут же находилась богатая и прекрасно устроенная библиотека, где члены Музея всецело могли отдаваться науке. По видимому такое блеском единение и общение умов, находившихся под одним кровом, при покровительстве и щедрости царей, должно было в высшей степени благотворно действовать на ученых; но не таковы были последствия этого сожительства. Живя в Музее, составлявшем часть дворца Птолемея, поэты, как и ученые,

стали заботиться о славе, громком имени, и применяться к господствующему вкусу. Сатирик Тимон Флиасийский называет Музей птичником, в котором бесконечно спорят философы. Athen I. XLI ed. Schweig. 1801. Если общественная и государственная жизнь эпохи Птолемеев не могла дать пищи поэзии и вызвать своих певцов, то, с другой стороны, сами поэты своими произведениями не могли возбудить сочувствия в обществе и оказать на него животворного влияния. Причиной этого было, как самое содержание поэтических произведений — то заимствованное из древней мифологии, истории, то исполненное лести правителям, или хвастовства Формами изложения далеко не возвышенных предметов, так и самый язык этих произведений, который был тогда языком книжным, языком ученых, и далеко отличался от языка народного, языка массы, общества. Именно в этот период последовало решительное разделение между языком народным и книжным. Народным, или лучше сказать разговорным языком в александрийскую эпоху был язык македонский, который, быв до того времени языком местным, сделался государственным языком всех покоренных народов, с тою, между прочим, особенностью, что принимавшие его, Hellenizontes, делали в нем некоторые изменения, сообразно с особенностями своего быта и духом родного языка (Populi bilingues). Александрийский диалект был тоже не более как местная ветвь македонского языка, и должен был еще Формироваться и обогащаться запасом новых понятий; потому что язык аттический уже потерпел свои изменения в этимологии и в синтаксисе, а *dialectus coimnunis* только начинал Формироваться. Естественно, что стихотворения александрийских поэтов, так и оставались учеными стихотворениями, не проникали в массу общества и не оказывали того действия, какого следовало бы от них ожидать. Наконец, самая стихотворная Форма, в которой, по господствовавшей тогда моде, излагались самые разнообразные предметы—история, ботаника, медицина, астрономия, едва ли могла возбуждать сочувствие. В древности в Форме стихотворений излагались ученые предметы, не потому, чтобы философ этим желал выказать искусство в изложении предмета тяжелого и неподходящего к стиху, но потому, что проза или не была еще готова, не была достаточно развита сообразно своей цели и самому предмету, или не так легко давалась автору как гекзаметр; да наконец, Философское изречение в Форме гексаметра легче могло удержаться в памяти. Таким образом, у

греков первоначально ученое стихотворство явилось естественно; оно произошло из действительной необходимости духовного образования. Но у александрийских писателей стихотворная Форма произведений есть плод ученого остроумия. Она показывает, что содержание поэзии исчерпалось, и что таланты, не находя для себя пищи в окружающей жизни, бросаются на все предметы, какие только могут подлежать знанию.

Аполлоний Родосский.

О жизни Аполлония Родосского, представителя героического эпоса и автора Аргонавтик, мы знаем очень не много. Из приложенных к нему схолий известно, только, что он родился в Александрии; был сын неизвестного нам Силлея, и учился у Каллимаха. С ранних лет занимался поэзией и обрабатывал легенду о походе Аргонавтов. Но когда он представил этот свой труд Каллимаху, последний осмеял его, а вместе с ним и все ученые. Не будучи в состоянии перенести этого стыда, он удалился на острове Родос, где посвятил себя изучению и преподаванию поэзии. Последнее было такое блестящее, что родосы, в знак своего уважения к поэту, дали ему право гражданства, и с этого времени Аполлоний, александриец, стал называться родосским. Уже в последствии, со вновь обработанным и вполне оконченным своим произведением он воротился в Александрию, где был оценен по Достоинству, и заведывал александрийской библиотекой. Более о его жизни ничего неизвестно. Год рождения и смерти тоже неизвестен. Отношения его к Каллимаху были самым замечательным моментом его жизни; к сожалению, мы имеем мало об этом сведений. Можно только догадываться, что между учителем и учеником наступило разногласие в принципах, которое нуждалось только в поводе, чтобы перейти в личную вражду [†]). В это время школа Каллимаха устраивала не просто область филологии, требуя полноты реальной учености, но чрез известные правила определяла Формы и основания поэтического представления, все более и более оттесняя поэзию в свой внутренний круг, делая ее более результатом школы и ученых исследований, чем популярной и индивидуальной. Между тем Аполлоний, по всей вероятности, мало давал значения антикварным исследованиям; он хотел свою добытую чтением

тему развить в широкую и величавую поэму, чтобы эта тема была не поводом, но основой его произведения, чтобы таким образом вся поэма была не выражением книжного искусства, но продолжением и обновлением Гомерического эпоса.

Аргонавтики.

По господствовавшему тогда обычаю, Аполлоний упражнялся во многих родах поэзии, излагая в стихах даже такие предметы, изложение которых принадлежит истории и археологии, каковы, напр., его Ктиаги?; заключающая египетския и родосския древности. Но слава Аполлония основывается на главном его сочинении, которое дошло до нас в целом своем виде; это — *Argonautica* в 4 книгах и 5835 стихах.

По эстетической особенности тогдашнего образования, поэт должен был все свое искусство направить на ученость и основательное описание лиц и предметов. Отсюда и вышло то, что у Аполлония мало Фантазии и еще менее воззрения на героическое время, но достаточно чистого вкуса, трезвой эрудиции и заботливой техники. Потому-то он достаточно собрал и основательно изучил все подходящий сюда произведения предшествовавших поэтов и прозаиков, у которых поход аргонатов изложен был в целости, или по частям, так что, благодаря Аполлонию, мы имеем в целом виде все легенды об аргонавтах. Далее, избранная им задача была для него на столько ученой темой, что весь его эпос есть полный и основательный результат добытых знаний. Это непрерывный рассказ и точное описание путешествия, приведенный в порядок архив замечательных предметов и событий, которые группируются между выступлением и возвращением Язона. Всякий уклонения, которые, по видимому, неизбежны при отрывочности мифов и изложении этнографии и географии, здесь совершенно устранены, С этой научной трезвостью соединена забота о надлежащей соразмерности частей целого. Аполлоний именно искусный рассказчик, который хотя иногда и уклоняется, но при обработке своих предметов никогда не забывает о надлежащей середине беспристрастного повествования, и всегда имеет в виду более требования предмета, чем удовольствие читателя. Тем не менее строгое изложение смягчается у него примесью таких черт, которые указывают на сочувствие поэта и возбуждают участие читателя,

это — его умеренные и часто проникнутые теплотою сравнения. Это все доказывает обдуманную технику внимательного художника, который действует с осторожностью и ясным пониманием дела. Но огонь и поэзия ему не дались и при недостатке собственного порыва и живости ОНТ, не может одушевлять читателя. По тем же причинам все широкое течение повести остается у него спокойным. Соответствии с этим у него действие не возбуждается богатством характеров, сильным пафосом и самостоятельными побуждениями, и вместо все решающего у древних чуда или веления рока у него рука человека составляет служебное орудие, которое приводит все в исполнение. Через это его герои и преимущественно главные, Изон и Медея, теряют так много в верности и резкой очерченности[™], что портреты их становятся бледными, часто заключая в себе лишь беглый очерк, и робкий герой эпоса у него остается также холодным, как и отважная при том несимпатичная личность Медеи. Читатель следует за всеми этими событиями только благодаря романической идее рассказа.

Аполлоний рассматривает свой бесцветный и бессодержательный мир не как поэт, но как миограф, для которого воззрения и образ мышления героического времени не имеют особенного значения; у его героев часто недостает наивной религиозности, и нередко они движутся как будто в абстрактном мире. Вместе с тем и те черты, которыми тонко и заботливо рисуется душевная жизнь и внутренняя сторона страстей, при своей бесцветности страдают еще недостатком собственной личной силы, и указывают на рефлексивное отношение к ним самого поэта.

Язык.

Что касается языка Аргонавтик, то как заимствованный из ученых студий, а не результат вдохновленной фантазии, он повсюду остается холодным, за исключением немногих мест третьей книги. В основу поэт взял богатый язык Гомера, из которого он заимствует целые Фразы, но только в измененном значении, в силу господствовавшей тогда моды, по которой требовалось давать словам значение, возможно более противоположное принятому. Кроме того, повсюду встречаются слова и Фразы, заимствованные у других поэтов, опять по общему характеру александрийцев. Вследствие этого эклектизма

Аполлоний стоит далеко от духа гомеровской дикции, и гармонии эпического изложения у него нет. Из этих же неодинаковых пособий языка выходит искусственное лингвистическое сцепление, в котором звучит язык то естественный и народный, то искусственный и книжный. И хотя Аполлоний и заслуживает признательность хорошего вкуса, все же язык его остается сухим и жестким. Особенное стремление к связности и нарочной краткости заставляет поэта отказываться от эпического добродушия и изобразительности. Иногда высказывается тяжелая принужденность, а проистекающий отсюда некоторый недостаток естественности служит причиною непонятности некоторых мест и двусмысленности.

Содержание Аргонавтик.

Обстоятельства, предшествовавшая походу, были, как говорят схолиасты, следующий. Фессалийский царь Эзон, оставил своему брату Пелию управление царством, а сына своего Язона отдал на воспитание Кентавру Хирону. По окончании учения, Язон должен был получить управление царством. Но в то время, когда Язон учился, было вещание оракула Пелию, чтобы он берегся человека с одним башмаком, в противном случае умрет. Язон, окончив учение, возвращался в отечественный город, и перед рекой Анавром, которую следовало переходить, встретил богиню Геру, в виде старухи, которая не решилась пуститься в брод. Язон взял ее на плечи, и при переходе через реку, потерял в болоте один башмак. В таком виде он явился в город на праздник. Тогда Великий вспомнил изречение оракула, и, чтобы избавиться от Язона, поручил ему предпринять опасный поход.

Первая книга. Выезд. Герои

Поэт испрашивает вдохновения у Аполлона, рассказывает повод похода и пересчитывает всех героев: Орфея, Астериона, Полиифема, Ификла, Корона, Мопса, Теламона, Фесея, Пирифоя, Геракла, Гиласа, Полидевка и Кастора и пр., которые собираются в поход из Пагас. Язон старается утешить плачущую мать и, не обращая внимания ни на чьи просьбы, идет к берегу, где у него собрались некоторые герои, и избирается предводителем. По его приказанию, прекрасно устроенный корабль Аргосс спускают на

море и ставят жертвенник Апполлону. На спущенном корабле учреждается богослужение, и назначается жрец. Вечером учреждается пиршество, на котором Орфей воспевает происхождение мира и деяния богов. С рассветом, при песнях Орфея, vyplывают в море и после нескольких дней плавания, достигают острова Лемноса. Дальше пребывание у лемносянок и выезд по настоянию Геркулеса, прибытие к Кизику и пребывание на этом острове. После этого аргонавты испытывают 12-тидневную бурю, и приносят жертву матери богов, Рее, прося об усмирении бури. Наконец, оставляют остров и достигают Коса, где жители принимают их гостеприимно. Между тем Гилас, любимец Геркулеса отправился напиться воды из источника и остался в воде: водная Нимфа потянула его в воду. Полифем рассказывает об этом Геркулесу и оба ищут Гиласа и таким образом остаются на острове. Теламон настаивал вернуться, но сыны Борея воспротивились. Вследствии Геркулес умертвил их. Во время этого спора Главк стал доказывать, что, видно Зевесу не угодно, чтобы Геркулес прибыл в Колхиду, и что такова уже судьба их, чтобы один (Геркулес) окончил подвиги свои в Аргосе, другой (Полифем) погиб в Мисии, а третий (Гилас) жил с Нимфой. Между тем жители острова Коса обещают Геркулесу не переставать в поисках за Гиласом и дают ему сыновей своих в заложники. Аргонавты без особенных приключений приплывают к острову Вебрику.

Книга вторая. От Бобрика до Колхиды.

На Вебрике жил свирепый царь Амик, который всех пристававших к нему иноземцев заставлял вступать с ним в бой. Тоже случилось и с аргонавтами. Вызов принял Поллукс и вступил с Амиком в упорный и продолжительный бой, кончившийся смертью Амика. Вебрики, в отмщение за смерть своего царя, сами вступили в битву с аргонавтами, но были разбиты. Аргонавты устраивают пир и на другой день, с богатою добычею, плывут через Босфор и пристают к берегам Вифинии. Прорицатель Финей; наказание его и избавление от Гарпий. Пир аргонавтов у Финея. Последний предупреждает их о дальнейшем плавании и, по просьбе Язона, в нескольких словах, указывает им ход дела в Колхиде. Возвращение сынов Борея, прибытие к Финею поселян и жертвоприношение. С наступлением утра

подули сильные ветры, продолжавшиеся 40 дней, и только сооружением 12 жертвенников и принесением жертв герои могли их утишить и поплыть дальше и после продолжительного времени приплывают к пустынному острову Финиаде, где воздвигают жертвенник Аполлону и при песнях Орфея приносят жертвы, присягая друг другу в верности. Затем продолжают плавание до страны Мариандинов, царь которой принял аргонавтов гостеприимно и дал им в спутники своего сына. Здесь же аргонавты лишились двух своих товарищей: Идмона, который был растерзан диким кабаном и Тифиса, умершего от болезни. По окончании траура продолжают плавание, и на 12-й день пристают к устью реки Каллихора. На берегу посещают могилу героя Сфенела и пристают к земле Амазонок, с которыми едва, было не вступили в бой. Встречаются с новыми странными народами и на острове Аретиаде подвергаются нападению птиц с чрезвычайно острыми перьями, от которых избавляются только всеобщим криком и стуком щитов. Здесь они должны были остановиться тем более, что встретились с сыновьями Фрикса, которые просили помощи у аргонавтов. Язон, признав их родственниками и считая встречу с ними счастливым предзнаменованием, принял их на корабль и после непродолжительного плавания аргонавты увидели 'вершины Кавказа. Над кораблем их летал орел, терзавший Прометея. Слышны были даже самые стоны этого титана. Наконец, наши герои плывут по реке Фазису и вступают в Колхиду.

Третья книга. Медея.

Испросив вдохновения, поэт рассказывает, что Паллада и Гера согласились помогать Язону, и признали лучшим для этого средством просить Афродиту, чтобы она возбудила в Медее, дочери Колхидского царя и владетеля руна—Ээта, любовь к Язону. Афродита соглашается оказать свое содействие и приказывает Эроту поразить Медею стрелой. Между тем аргонавты условливаются об общем плане действий и прежде всего Язон решается отправиться, во главе посольства, к Ээту и просить о возвращении золотого руна. С сыновьями Фрикса и другими товарищами Язон достигает роскошного дворца, где его встретил сам Ээт с семейством. Явился и Эрот, поразивший Медею пылкой любовью к Язону. Пир, после которого Ээт спросил своих внуков о причине их прибытия и, узнавши,

пришел в сильное негодование. Язон отвечал с почтительностью. Ээт успокоился, но предложил следующее условие: запретить огнедышащих быков, вспахать поле, засеять его зубами змея и сразиться с рожденными из зубов воинами. Язон должен был согласиться и возвратился на корабль. Медея оплакивает судьбу Язона.

Старший сын Фрикса и друг Язона, Арг, говорит, что убедит Медею помочь Язону чарами, а из аргонавтов многие решаются за Язона вступить в бой. При всеобщей радости, аргонавты отпускают Ар-га в город и корабль вытаскивают на берег. В это время Ээт, созвавши совет, предлагает тяжкое наказание пришельцам и приказывает наблюдать за кораблем и моряками; а Арг просит мать склонить Медею на сторону аргонавтов, тогда как в то же время Медее снился Язон, а пробудившись, она желала пойти к сестре и поговорить об Язоне, но стыд удержал. Приход сестры. Беседа с сестрою. Душевное состояние Медеи. Развитие чувства любви. Решимость Медеи помочь Язону чарами (лучшее место в книге). Волшебные травы и приготовление их. Свидание Медеи с Язоном во храме, где Язон просит ее о помощи, и получение чар, с подробным наставлением, как их употреблять. При этом Медея плачет, что он далеко уедет, и просит не забывать ее и рассказать свое происхождение. Язон исполняет её просьбу и обещает увезти ее в Грецию. На другой день аргонавты требуют от Ээта зубов дракона для посева, а с наступлением ночи Язон приносит жертву Гекате. В следующее утро Ээт, в вооружении и в сопровождении множества народа, выходит на площадь, чтобы присутствовать при бое, куда является и Язон, намазав ядом меч, щит и копье. Здесь он берет медный шлем, наполненный зубами дракона, выпускает из стойла быков, запрягает их в ярмо, вспахивает землю и сеет зубы дракона; выпрягает волов и отходит к реке утолить жажду. В это время из посеянных зубов выросли вооруженные люди. По совету Медеи, Язон бросает в них круглым камнем, вследствие чего они бросаются друг на друга и падают в междоусобной войне. Оставшихся Язон поражает своим мечем. Ээт с великою скорбью возвращается в город.

Книга 4-я. Возвращение.

Испросив вдохновение, поэт описывает гнев Ээта, и бегство Медеи с аргонавтами. Сиявшая луна указала ей путь к берегу

реки, у которой аргонавты праздновали победу и приняли Медею, выразившую при этом желание помочь им в получении руна. По её убеждению⁴ аргонавты немедленно отправились к священной роще, где Медея усыпила страшного дракона, и Язон снял со священного дуба золотое руно, приказав немедленно готовиться к обратному плаванию. Ээт и Колхи узнав о преступлении Медеи, составляют народное собрание, при чем Ээт назначает жестокий казни гражданам, если не доставят Медеи, и колхи, в тот же день, в двух направлениях, пускаются в погоню за аргонавтами, которые в это время у паФлагонских берегов приносили благодарственную жертву Гекате, а оттуда поплыли к устью Дуная. Преследовавшие их колхи, наконец, настигают, но заключают мир на следующих условиях: золотое руно остается за аргонавтами, но Медея будет оставлена на острове Делосе, где беспристрастные судьи решат, возвратиться ли ей к отцу, или ехать в Грецию. Но когда колхидяне Вступали на остров, на них напали аргонавты и умертвили. За этой погоней послана была вторая, которая, однако, высадилась на берегу Иллирии и заселила его, а аргонавты, после долгих странствований пристаут, наконец, к острову Цирцеи.

Между тем Юнона упростила Эола сдерживать ветры, кроме Зефира, а Фетиду не допускать корабля аргонавтов к Сцилле и Харибде. Просьба Юноны была исполнена, и аргонавты, пристали к Тирренскому берегу, а оттуда к острову Сирен, которые должны были уступить могущественному обаянию волшебной ор Фе ев ой кифары. Столь же благополучно они миновали Сциллу и Харибду. Видели быков Солица и радушно приняты были Алкиноем. В это же время прибыли колхидяне, преследовавшие аргонавтов по другой дороге. Но Арета, жена Ал- кипоя, приняла Медею под свою защиту, потребовав от Язона, чтобы он вступил в супружество с Медеею. Поэтому совершенно было брачное торжество и колхи, не желавшие возвращаться к Ээту, просили остаться на острове. На седьмой день герои простились с Алкиноем и ехали на родину, но внезапная буря выбросила их корабль на берега Африки, где они пришли на то священное поле, на котором змей сторожил золотые яблоки и где жили Геспериды. Оттуда герои благополучно прибыли в Крите, а затем на одном, из Спорадских островов принесли жертву Аполлону. Оттуда прибыли к острову Эвбее, и затем возвратились в отечественную пристань.

Остается сказать несколько заключительных слов об Аполлонии Родосском. Деятельностью этого поэта оканчивается

классический период литературной обработки героического эпоса. Сообразно с общим положением александрийской поэзии, Аполлоний стоит на рубеже умирающей эллинской поэзии и зараждающейся новой, греко-египетской. Он первый положил основание тому Фантастическому эпосу, который впоследствии так широко развился в школе Нонна и образовал новый эпос мифографический. Но, при всем своем эклектизме и подражательности, Аполлоний сообщает много художественности и естественности, и его аргонавтикам далеко не свойственна та подражательность и то полное отсутствие исторической почвы, какие характеризуют последовавший за александрийским эпосом эпос мифографический и апокрифический.

Каллимах.

О жизни Каллимаха известно очень немного. Из сведений, сообщаемых его схолиастами и из незначительных отрывков, оставшихся от его творений, мы знаем только, что он родился в Кирене и был сын неизвестных нам, Ватта и Месатмы, которые, вероятно, вследствие присоединения Кирены к Египту, переселились в Александрию и здесь поручили воспитание Каллимаха известному грамматiku Гермократу. Удовлетворя существовавшей тогда общей склонности к путешествиям, Каллимах посетил славившиеся в то время центры образованности; В одно из таких путешествий по Средиземному морю, он написал элегию о счастье того*, кто довольствуется малым, а в пребывание в Аргосе написал гимн по поводу совершавшагося там праздника Минервы. Год рождения его и смерти неизвестен. Несомненно только то, что он жил и славился при Птолемеи Филадельфе и Птолемеи Эвергете. Сначала Каллимах был учителем грамматики в одном из предместий Александрии, но в последствии, когда слава об его поэтическом таланте распространилась по всей Александрии, был приглашен к царскому двору и был сначала придворным поэтом, жившим наравне с прочими учеными в Музее, а в последствии кроме того и библиотекарем, и вероятно управлял Музеем. По недостатку данных, мы не можем судить, какое он оказывал влияние на своих собратьев и на молодых ученых, когда постепенно возвышаясь, достиг, наконец, высшего положения в тогдашнем ученом александрийском обществе. Судя по той

вражде, которую он питал к Аполлонию Родосскому, и которая заставила Аполлония бежать даже из Александрии, и принимая во внимание дошедшие до нас его эпиграммы, можно только догадываться, что это влияние носило характер властолюбивый и законодательный. Каллимах был представителем и вместе руководителем целой школы, из которой вышло много замечательных ученых, напр., Эратосфен, Аристофан, Петр, Гермипп и др., и школа Каллимаха была первая Филологическая школа, оказавшая так много услуг в очистке текста древних авторов и в составлении известного александрийского канона.

Общий характер элегической поэзии александрийского периода.

Элегия, начавшаяся у ионян выражением скорбных чувствований и у аттиков прибавившая к этому изображение всяких личных ощущений вместе с правилами политической и житейской мудрости, у александрийцев служила лишь поэтической Формой, которая пригодна для выражения всякого содержания. Это отсутствие одного общего содержания для элегии доказывало, что и этот род поэзии, подобно прочим, должен был прекратиться и выродиться в другой. И действительно, александрийская элегия перешла в последствии в антологию, оказавшуюся посредствующим звеном между предшествовавшим периодом классическим и последующим византийским.

На первых порах александрийские элегики продолжали развивать то направление, которое перешло к ним от элегии ионийско-аттической. В последствии, как у каждого писателя в отдельности, так у целой их группы, предмет элегии становится все то, что только могло составлять предмет тогдашней поэзии. В элегических двустихиях стали излагаться мифология, субъективные ощущения, гимны, путешествия и всякие ученые заметки, и на элегию александрийцы обратили главное свое внимание. Они снабжали ее всеми сокровищами своей начитанности, и этим ученым украшениям давали первое место. Римские элегики, которые переводили и подражали александрийцам, дают нам много образцов элегии последних, но и из тех отрывков, какие дошли до нас от александрийских

элегиков, и преимущественно из Каллимаха, считавшагося образцом, видно, что любимую и почетную деятельностью была для них мифическая образность и научность воззрений. Это служило для них вдохновением и вместе образцом для составления психологических картин. Но кроме элегий с преобладающим дидактическим тоном александрийцы писали элегии, в которых менее давала себя чувствовать их ученость и звание грамматика. Их жизнь, богатая индивидуальным содержанием, давала не мало мотивов для элегической поэзии. И хотя они здесь имели в виду ионийских элегиков, но оставленные ими картины дружбы, любви и особенно прелестные образы тихой жизни, заслуживают самое серьезное внимание. В таких элегиях сила страсти и чувства достигает высокой степени, и изображается ими вполне художественно, как это доказывается заимствованиями Тибулла, Проперция, Катулла, Овидия, которые, как известно, некоторые элегии александрийцев целиком переносили на свою почву, особенно из Каллимаха. Александрийским элегикам, как и всем поэтам древности, не была известна борьба жизни, борьба общественных слоев, потому и в их элегиях не затрагивались общественные вопросы; им была доступна только личная, индивидуальная жизнь; и действительно, здесь они оказались высокими художниками. Эта индивидуальность отличает те их картинки с мифологическим содержанием, которые служат изображением тихой жизни, разных душевных порывов. В этих идиллических элегиях, их ученость принимает вполне популярный характер и, оставаясь дидактическим стихотворением, элегия служит в тоже время выражением субъективных ощущений. Эта дидактическая метода александрийской элегии, лучшая, какая только могла быть в это время, и дает александрийским элегикам право на почетное место в истории греческой поэзии.

Сочинения Каллимаха.

Деятельность Каллимаха, как литератора и поэта, была чрезвычайно обширна. До нас дошло 41 название его сочинений, составлявших, по свидетельству его схолиастов, 800 книг. Как бы ни было это число преувеличено, его деятельность поражает своею производительностью. Из тех отрывков, которые до нас дошли в стихах и прозе, видно, что Каллимах испытывал свои силы на всех, существовавших в его время видах словесности; но

главная его заслуга основывается на двух весьма важных произведениях, в которых выказалась вся его ученость и вся сила таланта, это—*Aitia* и *Pinakes*. Первое сочинение, состоявшее из 4 книг и написанное элегическими двустихиями, было богатое собрание мифов, или энциклопедия греческих древностей и народных легенд, излагавшая преимущественно происхождение городов, культов и народных праздников. Это собрание отличалось такою полнотою, что служило не исчерпаемым источником для римских поэтов, которым они пользовались преимущественно пред прочими сборниками подобного рода. (Как известно, Овидий, по образцу *Aitia* составил свои *Fasti*). От этого, главного сочинения Каллимаха, до нас дошли самые незначительные отрывки. Второе сочинение Каллимаха, положившее начало истории греческой литературы, было *Pinakes*, в котором, в 120 книгах, и притом по отделам: (дифирамбический, сценический, исторический, философский — откуда и самое название сочинения) было изложено содержание всех сочинений, находившихся в отделах Алекс, библиотеки. Оставляем в стороне прочия его прозаические и глубокоученые сочинения, и возвратимся к поэтическим. Древние, и особенное римские писатели, считали Каллимаха образцовым элегиком. Проперций называет его *purus poeta*. *El eg.* III, VII, 43; Квинтилиан—*princeps Quintil* X. 1,58. Овидий говорит о нем: *Battiades semper toto cantabitur orbe, quam- vis ingenio non valet, arte valet. Amor.* I, XY, 13. К сожалению, из его элэгий до нас дошли только незначительные отрывки. Судя по этим отрывкам и по отзывам древних, видно, что его элегии принадлежали преимущественно к роду эротических произведений, и между ними первое место занимала элегия „Кидиппа“, считавшаяся образцом элегического искусства. Затем пользовалась большою известностью, и также как „Кидиппа“, была переведена на латинский язык Катуллом, элегия „К локону Вереники“ — *Catulli soma Berenices*. Большим поэтическим талантом отличается третья элегия Каллимаха „На омовение Паллады“ (написана на дорическом наречии), столько же известная, как и предыдущая, хотя ее относят и к гимнам, так как общего с элегией, если не считать элегических двустихий, она имеет очень мало. Поводом к составлению её был ежегодно торжественно совершаемый в Аргосе праздник Миневры, во время которого везли колесницу и статую богини по городу и затем погружали в реку.

Гораздо лучше элэгий сохранились и дошли до нас эпиграммы Каллимаха в числе 60. Они отличаются своею сжатостею,

отрывочностью, тонким остроумием и строгою обдуманностью. Содержание их самое разнообразное. 29, 31 и 41—46 эротического свойства; в них заключаются разные любовные признания поэта. Некоторые принадлежат к роду *anathemata* и *eritymbia* (5, 21, 35); некоторые заключают поэтическая признания и литературные воспоминания (8, 28, 2, 6, 27), некоторые писаны на случаи (37—40). При всей своей краткости и отрывочности, эпиграммы Каллимаха служат верным отражением того образа мыслей, какого держался их автор и его современники. Остается сожалеть только, что эти эпиграммы, составлявшая, вероятно, целый антологический сборник, дошли до нас в таком малом количестве.

Гимны Каллимаха (до нас дошло их шесть) представляют собою стихотворения, которые Каллимах, как придворный поэт, писал по случаю устраиваемых Птолемеями великолепных праздников. Это сухия произведения наполненные множеством ссылок на мифологию и древности, и имеющие мало поэтического достоинства, как и религиозного духа. Составлены весьма тщательно, с риторическими украшениями и книжной мудростью. Художественных черт они заключают мало, и вообще требуют читателя-специалиста, который один только может заметить всю ту обстоятельность, остроумие и счастливые обороты, которыми наполнены эти заботливо составленные стихотворения. Но более других заслуживают внимания гимн „Диане“, составленный с талантом, и гимн Деметре“, составленный вероятно по случаю одного 'из тех праздников, которыми так славились Птолемеи.' Последний считался образцом александрийской ученой поэзии. Но в некоторых местах его элегий есть места, написанные с большим вкусом, как на пр., в гимне „Диане“ сцена в детской комнате (60 и sq.) и охотничья песня, или Геркулес и Артемида на Олимпе (146 и sq.). И в гимне „Церере“ есть замечательное место, это голод Эрисихфона (67 и sq.) Тем не менее, при первом знакомстве с этими гимнами, становится ясным, что в его мифологических картинах, как и у Аполлония Родосского, боги и люди действуют не так, как требует этого характер действующего лица, но так, как требует этого писатель, и в мышлении их мы видим мысли ученого александрийского поэта, а не отражение умственного и нравственного мира давно минувшего периода.

Что касается его мифического эпоса Несаие и сатирического стихотворения *Jbis*, а равно его холиям бов, то от них остались такие незначительные отрывки, что сказать что либо

положительное о литературном достоинстве этих произведений мы не имеем возможности.

В героическом эпосе, элегии и буколической поэзии выразился дух александрийского периода греческой поэзии, и представители этих трех видов поэзии Аполлоний Родосский, Каллимах и Феокрит, осуществили в своих произведениях дух и вкус этого времени. Что же касается эпоса дидактического, в котором упражнялся едва-ли не всякий образованный человек того времени, то содержание его так многосторонне и сам он настолько уклонился от настоящих задач поэзии, что изложение его отвлекло бы нас далеко в сторону, и заставило бы говорить о тех явлениях в области александрийской литературы, которые относятся скорее к истории прозы этого периода, потому что дидактический эпос именно служил заменой этой недостававшей новой, хорошей прозы.